

Чжао Фу праздновал день рождения: вся страна ликовала, была объявлена всеобщая амнистия. Однако едва прошло два дня, как с Северо-Запада экстренной гоньбой за восемьсот ли пришло военное донесение. Разразилась война: воины Государства Ляо пошли штурмом на город Ючжоу, и полыхавшее пламя сражений охватило земли.

При дворе сановники пришли в смятение. Но Чжао Фу, восседая на драконьем престоле, лишь неторопливо прищурился. И только когда чиновники один за другим выступили вперед, понося вероломных ляосцев, нарушивших мирный договор, и умоляя императора двинуть войска на Ляо, Чжао Фу пришел в неистовый гнев и провозгласил:

— Люди Ляо перешли все границы! Как Мое Величество может терпимо относиться к подобному дерзновению?!

И Армия Сун выступила в поход. Между двумя государствами разразилась жестокая война.

Эта битва длилась целый месяц.

Вот тут-то и проявились преимущества Тракта Ючжоу. В военной мощи Великая Сун всегда уступала Государству Ляо. То, что двадцать лет назад удалось принудить Государство Ляо к подписанию мирного договора, было заслугой воинов и народа Великой Сун, пожертвовавших всем и поставивших на карту свои жизни. Зато в хозяйстве Великая Сун превосходила пять таких государств, как Ляо! С появлением Тракта Ючжоу подвоз жалованья и провианта стал куда удобнее, поэтому, даже если Армия Сун и не могла одержать верх, она была способна стойко держаться.

Армия Ляо, идя на город Ючжоу, рассчитывала лишь на небольшие хлопоты: они полагали, что возьмут Ючжоу максимум за десять дней. Кто же мог подумать, что прошел целый месяц, и хотя Армия Сун так и не одержала победы, но и ляосцы не смогли захватить Ючжоу.

Война — дело разорительное. Государство Ляо никогда по-настоящему не планировало поглотить Великую Сун прямо сейчас; они лишь хотели с помощью силы заставить сунцев выплатить дань и уступить земли. Видя теперь, что Ючжоу никак не поддается, Император Ляо с горделивым видом объявил о прекращении огня, временно стоя лагерем в пятидесяти ли от города Ючжоу, и направил послов в Шэнцзин для заключения мира с императором Сун.

Когда весть дошла до Шэнцзина, при дворе начались бурные обсуждения.

Министр ритуалов Мэн Лан подал доклад:

— У людей Ляо волчья жадность, они наверняка придут требовать золото и серебро!

Министр наказаний Шэнь Юнь возразил:

— Не обязательно. Поговаривают, будто Император Ляо намеревается просить о династическом браке.

Эти слова прозвучали подобно громовому удару, сотрясшему пол Дворца Цычэнь и павшему на головы тех августейших особ и императорских родичей, которых даже не было в зале, заставив их стенать от ужаса.

Династический брак?

Императору Ляо в этом году исполнилось тридцать четыре года — самый расцвет сил, казалось

бы, завидный жених! Да только до чего же он лют! Помимо законной Императрицы Сяо, в его гареме ежегодно погибали более десятка наложниц, и каждая умирала от жестоких истязаний. Выдать принцессу за такого — все равно что отправить её на верную гибель, притом на лютые мучения!

Но ужаснее всего было то, что у Чжао Фу не имелось незамужних принцесс подходящего возраста!

Если нет принцессы, кого же выдать замуж?

Сначала станут выбирать среди княжеских дочерей и внучек, а затем — среди дочерей сановников.

Вмиг город Шэнцзин заполнился плачем: никто не желал отправлять свою драгоценную жемчужину на страдания в Государство Ляо.

Все это, казалось бы, не касалось Тан Шэня, однако среди чиновников, служивших во Дворце Циньчжэн, у многих дома росли дочери на выданье. Все эти дни они ходили мрачнее тучи, непрестанно вздыхая. Стоило одному тяжело вздохнуть, как десяток других тут же подхватывали, скорбно опустив головы.

Тан Шэнь отправился с докладами по делам службы в приемную Министра общественных работ. Выйдя оттуда, он как раз столкнулся с Су Вэньюнем.

Они стояли у дверей, когда изнутри долетел тяжелый вздох Юань Му.

У Юань Му не было дочери подходящего возраста, зато имелась внучка!

Су Вэньюнь усмехнулся:

— Посольство Государства Ляо еще даже не прибыло, а при дворе уже царит такой разброд. Что же будет, когда они действительно явятся?

Тан Шэнь промолчал, отвесил поклон и уже собрался уходить.

В этот момент в приемную Цзи Вэнцзи бегом направился воин в ратном доспехе. Тан Шэнь и Су Вэньюнь бросили на него взгляд. Тан Шэнь заметил, что доспехи на солдате выглядели необычно: на плече имелась золотая метка.

Тан Шэнь удивленно произнес:

— Прежде не приходилось видеть солдат в таком доспехе.

Су Вэньюнь фыркнул:

— С Северо-Запада. Армия Летающего Дракона.

Тан Шэнь внутренне насторожился.

Армия Летающего Дракона?

Взглянув на Су Вэньюня, Тан Шэнь ничего не сказал и повернулся, чтобы уйти.

К вечеру, перед самым окончанием службы, Тан Шэнь наконец узнал, ради чего воин Армии

Летающего Дракона преодолел тысячи ли, спеша с Северо-Запада в Шэнцзин. Вышло удивительное совпадение: пока при дворе обсуждали, что посольство Государства Ляо едет просить династический брак для Императора Ляо, у Фельдмаршала Запада Ли Цзиндэ, сражавшегося с ляосцами под городом Ючжоу, три дня назад скончалась супруга, оставив лишь четырехлетнего ребенка.

Ли Цзиндэ находился на передовой, но его семья проживала в Шэнцзине. И теперь, когда войска прекратили огонь, а послы Ляо направлялись в столицу, Ли Цзиндэ воспользовался предложением возвращения домой на похороны, чтобы приехать в столицу и пристально следить за каждым шагом ляосцев.

В этот момент Тан Шэнь вдруг вспомнил, как в бытность свою историографом-записчиком отмечал трех доверенных лиц, которых Чжао Фу ценил при дворе больше всех.

Министр финансов Ван Чжэнь, заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь и Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ!

Оказывается, Ли Цзиндэ давно женат и у него даже есть ребенок.

Впрочем, генерал Ли в этом году отметил тридцать два года, так что иметь жену и ребенка для него вполне естественно.

Подумав об этом, Тан Шэнь внезапно замер, неожиданно вспомнив об одной вещи...

Погодите-ка... Ван Цзыфэну в этом году ведь исполнилось двадцать восемь? Почему же он до сих пор не женат?!

Из-за того что у него самого дома имелась незамужняя сестра, Тан Шэнь в свое время специально интересовался обычаями бракосочетания той эпохи.

Император Кайпин Чжао Фу издал указ: «Юношам в шестнадцать лет, а девам в четырнадцать отныне дозволяется вступать в брак». Это означало, что юноши по достижении шестнадцати лет, а девушки — четырнадцати могли сговариваться о помолвке и вступать в брак. Однако это не означало, что жениться надлежало строго в этом возрасте.

Ранее Тан Шэнь даже подумывал приберечь сестру дома лет до восемнадцати.

На самом деле девушек, вышедших замуж в восемнадцать, было немало.

Восемнадцать лет еще не считались возрастом старой девы; просто большинство из них были обручены пару лет назад и лишь в восемнадцать играли свадьбу.

Мужчинам и подавно давалось больше свободы: лишь в двадцать лет проходил обряд совершеннолетия, и двадцатилетних мужей без семьи хватало с лихвой.

Но как бы то ни было, Ван Чжэню исполнилось двадцать восемь, а в двадцать восемь лет всё ещё не иметь семьи...

Прежде, общаясь с Ван Чжэнем, Тан Шэнь из-за его изысканной утонченности и благородного облика никогда не задумывался о возрасте своего старшего соученика. К тому же сам Тан Шэнь был родом из современного мира, а там двадцать восемь лет — самый расцвет сил. Но если порассуждать теперь, у чиновников одного возраста с Ван Чжэнем дети уже подрастают до четырех-пяти лет, почему же у одного лишь Ван Чжэня нет даже супруги?!

Размышляя об этом добрую долю времени, Тан Шэнь в ужасе подумал: «Неужели шисюн... импотент?!»

Черт возьми, а ведь такая вероятность действительно есть!

Тан Шэнь поспешно покрутил головой, прогоняя прочь эту жуткую и дикую мысль.

Ход этих мыслей смертельно опасен!

Если Ван Чжэнь вполне здоров, а Тан Шэнь себе такое вообразит, да еще об этом станет известно другому — они не то что перестанут быть соучениками, а наживут смертельную вражду. А если Ван Чжэнь и впрямь неспособен, да к тому же Тан Шэнь раскрыл этот секрет...

Это и вовсе смертный приговор!

Тан Шэнь содрогнулся от собственного страха и лишь после того, как трижды повторил про себя: «Женится Ван Цзыфэн или нет — меня совершенно не касается», заставив себя напрочь выкинуть эти мысли из головы, окончательно успокоился.

В начале двенадцатого месяца посольство Государства Ляо прибыло в Шэнцзин и остановилось на подворье для приема иностранных гостей.

В тот же день при дворе чиновники развернули долгую дискуссию о том, как встречать послов Ляо. Сановники, имевшие право присутствовать на утреннем приеме во Дворце Цычэнь, занимали должности не ниже четвертого ранга. Однако на сей раз вельможи третьего ранга и выше словно в рот воды набрали, и лишь чиновники четвертого ранга один за другим подавали прошения, предлагая императору кандидатуры.

Чиновник Приказа ритуалов, высоко подняв яшмовую дощечку, сделал шаг вперед и изрек:

— Прибытие послов Ляо в столицу — великое дело государственной дипломатии. И хотя Армия Ляо ныне стоит лагерем в пятидесяти ли от города Ючжоу и хищно взирает на Ючжоу, наша Великая Сун — государство высокой культуры и ритуала, принимающее подношения десяти тысяч стран, и мы не смеем проявлять небрежность. Ваш покорный слуга просит Его Величество безотлагательно утвердить кандидатуру для приема ляоских послов.

Следом за ним выступил с докладом другой чиновник:

— Господин Сунь прав. Ваш покорный слуга также полагает, что дело приема ляоских послов не терпит промедления. Насколько известно вашему покорному слуге, посольство Государства Ляо насчитывает тридцать два человека, и среди них находится третий принц Государства Ляо Елюй Хань, а также его сопровождает Елюй Цинь из Ведомства Ханьэр. Если следовать высокому уровню межгосударственных отношений, нашей Великой Сун также следует выставить одного из принцев.

Как только эти слова прозвучали, чиновники наперебой принялись выставлять кандидатов.

В конце концов Чжао Фу сам утвердил решение:

— Раз так, то Мое Величество поручает это дело министру Мэну. Что же до принца... — Чжао Фу помешкал секунду и равнодушно добавил: — Пусть отправится Чжао Шан.

Министр ритуалов Мэн Лан сделал шаг вперед:

— Ваш покорный слуга повинуется.

В тот же день Мэн Лан сформировал временную посольскую группу для приема послов Ляо.

Прием иностранных послов Министром ритуалов всегда соответствовал установленным правилам. Получив указ, Мэн Лан набрал людей из различных ведомств и приказов. Когда Тан Шэню сообщили о назначении на эту должность, он лишь вздохнул и навел справки, обнаружив, что среди членов группы оказался его знакомый — любимый ученик Сюй Би, Юй Чаошэн!

<http://bllate.org/book/18292/1754623>